

УДК 32:001.12

Политическая наука и многомерность современного мира

Елисеев Сергей Михайлович

Доктор политических наук, профессор,

Научно исследовательский институт

комплексных социальных исследований,

191060, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3;

e-mail: 1956Eliseev@inbox.ru

Аннотация

В статье изложена авторская позиция на теоретические и методологические проблемы развития политической науки в России. По мнению автора, отечественная политическая наука находится под сильным влиянием американской политической теорий, созданных в 1950-1970-е в определенных исторических условиях и рассчитанные на социальные практики и научные традиции, присущие индустриальному обществу. В условиях информационного общества, сетевых структур, развития нелинейных процессов использование данных теорий ведет к искаженному описанию действительности, неточности политических прогнозов и рекомендаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Елисеев С.М. Политическая наука и многомерность современного мира // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 1-2. С. 13-32.

Ключевые слова

Политическая наука, политическая теория, множественность современности, текущая современность, политические процессы.

Введение

Проблемы путей дальнейшего развития политической науки в России остаются актуальной научной и практической задачей. Начало XXI века ознаменовалось новыми дискуссиями о путях и методах социологических исследований [Новые идеи в социологии, 2013], адаптации социальных наук к «текущей современности» [Бауман, 2008] и нелинейным моделям социального развития [Кравченко, 2013].

За десятилетия с момента распада СССР российское общество превратилось в «новую социальную реальность» [Горшков, 2007] которую по-разному интерпретируют не только политики, но и ученые. Диапазон оценок настолько широк, что складывается впечатление, что исследователи описывают не одну и ту же, а принципиально разные социальные реальности.

В контексте дискуссий о путях и направлениях развития политической науки в XXI веке мы хотим сфокусировать внимание на актуальных проблемах ее развития в России.

Российская политическая наука: истоки формирования теоретической идентичности

За десятилетия развития политической науки в России в ней накопились множество проблем и противоречий, которые остаются предметом жарких дискуссий. Их корни, по нашему мнению, уходят в период предшествующий распаду СССР. Советская политическая наука описывала социальную реальность во многом уже «мертвым» языком марксизма-ленинизма и научного коммунизма. Среди обществоведов шел активный поиск нового языка, новых методологий анализа советской (русской) политик, одним словом, новой теоретической идентичности. По традиции, в поисках нового знания российская наука обратилась на Запад. Тем более, что многие преграды и запреты на этом пути были отменены. Обращение к западной социальной и политической мысли существенно модернизировало теоретико-методологический репертуар отечественной науки, да и сама российская действительность постепенно

приобрела неподдельный интерес со стороны ученых западных стран. Но уже первые попытки применить западные теории к российской действительности дали далеко не однозначные результаты. Как правило, теория расходилась с практикой. Но до поры до времени на это не обращали внимание. Ожидалось, что в ближайшем будущем практика вступит в соответствие с теорией. Расхождения между теорией и практикой объяснялись, как правило, либо незавершенностью процессов, либо их культурно-исторической особенностью, которая постепенно будет преодолена по мере развития рынка и демократии [Елисеев, 2002, 71-82]

В этот период многие ученые не осознавали того, что западная наука плоть от плоти западного общества, что многие теории и сам язык западной науки, прежде всего, адекватно описывают западное общества. Но за его пределами они испытывают определенные трудности.

Советским обществом интересовалось только одно направление в западной науке – советология. Насколько советология была наукой, настолько ее схемы точно описывали распадающееся советское общество. Академические социальные науки предпочитали сосредотачиваться на описании собственных обществ, используя методы сравнительного анализа для доказательства определенных постулатов, главным из которых было доказательство превосходства западной либерально-демократической модели над всеми иными.

В этой связи следует подчеркнуть, западная, и особенно американская политическая наука, всегда стремилась избегать прямого конфликта с властью. Она, скорее, ей верно служила, продвигая и защищая ее интересы как внутри общества, так и за его пределами. Американская наука патриотична, как и большинство американцев. Они действительно считают свою страну самой лучшей, свою демократию самой демократичной, свою политическую науку самой передовой и продвинутой.

Успехи западной политической науки связаны, как правило, с одновременным решением исследовательских, методологических и практических задач. Новизна задач требовала создания, как новых методологических подходов, так и оригинальных методов эмпирических исследований. В результате, в период 1940-1960-х годов общественности были представлены такие известные рабо-

ты как «Политический человек. Социальные основы политики» [Lipset, 1960], «Первая новая нация. Соединенные штаты в исторической и сравнительной перспективе» [Lipset, 1963] «Американский избиратель» Кэмбелла А., Конверс Ф., Миллера У., Стокса Д. [Campbell, Converse, Miller, 1960], «Гражданская культура: Политические установки и демократия пяти наций» Алмонда Г. и Вербы С., [Almond, Verba, 1963], «Системный анализ политической жизни» Д. Истона [Easton, 1965].

Всех их объединял новаторский подход, сочетающий в себе решение определенной практической задачи, научной проблемы с разработкой новой методологии исследования. Не случайно эти работы до сих пор не потеряли своей значимости и по – прежнему включены в своеобразный пантеон мировой политической науки. Они помогли американским гражданам понять, что есть их общество и государство, в чем их уникальность и преимущества перед другими нациями. В этом плане следует обратить внимание на тот факт, что большинство социальных теорий, созданных американскими учеными в указанный период, изначально не претендовали на универсальность. Если на нее и претендовала, то только теория модернизации, в различных ее вариантах.

Но эта теория по признанию одного из наиболее известных американских социологов П. Крейга Калхуна, по преимуществу есть «американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Основная идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки, прежде всего, на Западную Европу, где она разрабатывается и должна быть принята в других странах» [Калхун, 2006].

Центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам. Совет был создан в 1920-е годы, как координационный орган тогда появившихся, говоря современным языком, «олигархических фондов» (фонды Рокфеллера, Карнеги, Форда), который собирал деньги, использовавшиеся для финансирования научно-исследовательских программ. Совет по общественным наукам и сегодня формулирует политику, решает, под что давать гранты, распределяет целевые гранты государственных фондов в американской и мировой научной среде.

Идеи и теории, выдвинутые в период 1950-1970-х годов, существенно повысили авторитет американской социологической и политической науки. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что они не были идеологически нейтральны, имели определенный телеологический характер, были привязаны к определенному историческому и научному контексту.

По мнению итальянского ученого Д. Дзоло, американская политическая наука создавалась с двумя разными целями. Первая, публично признанная цель заключалась в производстве конкретного и объективного знания, основанного на эмпирическом анализе социальных явлений. Вторая цель, не высказанная открыто, но имеющая глубокие корни в субъективных мотивах людей, которые занимаются политической наукой, заключается в демонстрации оптимальности (американских) демократических институтов, воплощающих свободу, плюрализм и равенство возможностей [Дзоло, 2010, 63-64]. В этом плане широко распространенное утверждение об идеологической нейтральности политической науки представляется мифом, который, по мнению авторитетнейшего американского политолога Д. Истона, в действительности служит маскировке господства демократически консервативной идеологии и усиливает кризис ее (политической науки – авт.) теоретической идентичности [Easten, 1985, 139-143].

Продолжая описывать российскую действительность сквозь призму западных, преимущественно американских теорий, мы, по сути, попадаем в своеобразную научную колониальную зависимость, о необходимости преодоления которой недавно шла дискуссия между двумя президентами Международной социологической ассоциации (МСА) – М. Буравым и П. Штомпкой [Романовский, 2013, 83].

Находясь в теоретической зависимости от западных теорий, российская политическая наука вряд ли способна решить одну из своих главных задач – внести посильный вклад в описание динамично изменяющейся действительности. Сохранение научной колониальной зависимости приводит не только к искажению самой действительности, но и самих идеи и теории.

Искажения происходят постольку, поскольку, во-первых, заимствованные аналитические схемы были созданы в определенных исторических условиях и

рассчитаны на иные социальные практики, привязаны к иным историческим, культурным, социальным, научным событиям и традициям, во-вторых, динамика социальных и политических процессов была более медленной по сравнению с современными трансформациями, в-третьих, в теориях отражены устойчивые ментальные схемы (паттерны) понимания и описания действительности определенных обществ. Они соответствуют тому этапу развития науки, для которого было характерно стремление к раскрытию национальных и историко-культурных особенностей отдельных обществ и регионов мира с целью выявления в них уникальных и общих черт.

Тогда наука предпочитала не замечать тот факт, что она сама вплетена в определенные социальные практики, что носитель этих практик – конкретная нация (нация), обладает не только универсальными, но и уникальными традициями и социальными практиками, которые получают отражение и выражение в соответствующих теориях. Собственно говоря, в большинстве американских теорий делался акцент на то, чем американская политика отличается от европейских или вообще от незападных политик. Достаточно напомнить известную статью Л. Пая «Незападный политический процесс», опубликованную в журнала «Journal of politics», которая представляла собой обновленную версию доклада, представленного автором на ежегодной конференции Ассоциации политической науки в 1957 г. [Пай, 2003, 66-86].

В-четвертых, искажения теорий и исходных идей происходят также потому, что они нередко берутся поверхностно, не критично, в отрыве от исторического, социального и научного контекста, нередко стилизованы под современность. Стилизация под современность необходима для того, чтобы как-то подтвердить ее актуальность и применимость к российской действительности. В тот период современность еще понималась как движение к универсальности (единообразию) Модерна. Только под универсальностью Модерна отдельные ученые вместо коммунистического (социалистического) общества стали понимать капитализм и либеральную демократию. Только во второй половине 1990-х годов приходит понимание того, что современность имеет множество вариантов, что современность Европы отличается от современности Китая или Индии. Универсальность рыночных отношений не отменяет осо-

бенности их функционирования в Китае или Индии, в Латинской Америке или России.

Как отмечает британский социолог Н. Музелис, теории общества модерна – от Т. Парсонса до Э. Гидденса – подвергались критике за европоцентризм, тогда как разного рода «ориенталистские» и «постколониалистские» подходы оказались не в состоянии отличить специфически западные черты общества модерна от его универсальных характеристик, в конечном итоге приводя к релятивизму [Mouzelis, 1999, 142]. Последователи данной концепции связывают формирование модерна не столько с уникальными культурными элементами западной цивилизации, сколько с сочетанием элементов, не являвшихся уникальными и встречавшихся в других обществах. Проводя различие между специфичными для Запада (например, протестантская этика) и эволюционно универсальными (например, национальное государство) чертами модерна, они рассматривают «вестернизацию не в качестве модерна как такового, но в качестве одного из типов модерна» [Mouzelis, 1999, 152]. Во многом уникальные элементы западной культуры способствовали развитию современной демократии. В том числе такие элементы, которые порой не попадали в поле внимания отечественных ученых в 1990-е годы, что приводило к нарушению целостности исходной теории.

В подтверждение тезиса об искажении теории приведем один пример, касающийся проблемы социальных предпосылок и условий развития демократии. Эта тема вышла на первый план в отечественной науке в 1990-е годы, когда элиты и общество столкнулись с проблемой выбора пути общественного развития.

Теории демократического транзита, созданные на основе обобщения опыта перехода стран Южной Европы, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии от авторитаризма к демократии, по традиции восходящий к работам С. Липсета, делают упор на институциональных аспектах проблемы, оставляя вне поля зрения проблемы религии. Не в том смысле, что эта проблема не обсуждается, а в том, что религия изначально вплетена в ткань современного общества и политики, и поэтому не рассматриваются случаи, когда общество имеет явно выраженный атеистический характер.

Современная социология, начиная с работ М. Вебера, признает тот факт, что неотъемлемой частью становления современного общества и западной демократия является религия. Современная демократия родилась в лоне западноевропейского христианства. Демократию строили верующие люди. Они были протестантами или католиками, но верующими христианами. В начале движения к демократии их объединяло не столько убеждение в преимуществах демократии по отношению к монархии или тирании, сколько вера в христианские ценности и нормы. Но эта важная проблема почти не затрагивается в отечественной политической науке.

Отечественные либералы 1990-х были атеистами и агностиками. В религии они, как и коммунисты, видели скорее опиум для народа, чем необходимый компонент демократического общества и демократического государства. В то же время американское общество и американскую демократию, равно как и европейское общество и европейскую демократию, невозможно понять вне религиозных традиций и практик [Салмин, 1997].

Как писал в начале XIX в. французский историк Ф. Гизо: «Английская революция, рассматриваемая с общей точки зрения, представляется событием по преимуществу политическим; она совершалась среди религиозного народа, в религиозном веке, действовала с помощью религиозных идей и страстей; но первоначальное побуждение и окончательная цель ее одинаково запечатлены политическим характером; везде преобладает стремление к свободе, к уничтожению всякой абсолютной власти» [Гизо, 1898, 227].

Применяя его описание к российскому обществу, можно сказать, что революционные изменения конца 1980-1990-х гг. хотя и имели цель уничтожения тотальной власти партии и построения свободного общества, но совершались в атеистическом обществе атеистическим народом, охваченным идеями и страстями наживы и обогащения. В этом контексте встает вопрос: какая из западных теорий применительно к демократическому транзиту обращает внимание на это обстоятельство и как оно в ней учитывается? Или быть может современная демократия уже исключает религию? Но как тогда быть с историей становления европейской и особенно американской демократии?

Французский историк А. де Токвиль в этой связи писал: «Ошибочно думать, будто бы демократические общества враждебно настроены по отношению к религии: ничто в характере христианства и даже в католичестве не противоречит духу таких обществ, а многие положения благоприятно сказываются на их развитии. Впрочем, многовековой опыт показал, что жизненный корень религиозного инстинкта – в сердце народа. Это – последнее прибежище всех исчезающих религий, и было бы чудовищно, если бы институты, призванные возвеличивать идеи и чувства народа, постоянно и неотвратимо подталкивали бы человеческий разум к безбожию [Токвиль, 1997, 14-15].

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Обращение к западным теориям пришлось на тот период их существования, когда многие из них, по сути, либо находились в тупике, либо подвергались существенной критике. Основные теории политики, созданные в период 1950-1970-х годов восходили либо к методологии бихевиорального, либо структурно-функционального исследования. Они опирались на линейную модель общественного развития. Однако, добившись доминирующего положения в социологической теории в 1960-е и 1970-е гг., они в 1980-1990-е годы стали мишенью для серьезной критики.

Так, произошло, например, с бихевиоральным и социологическим подходами в исследовании политики, давшим в 1940-1960-е годы ряд классических работ по политическому и электоральному поведению, политической идентичности, но не сумевшим адаптироваться к реальным трансформациям американского общества в 1970-1980 гг.

Напомним, что в послевоенный период сложились два доминирующих подхода в анализе электорального поведения: социологический и социально-психологический.

Социологический подход, основан на признании преобладающего воздействия социальных факторов: социального статуса и социальной среды. Основателями этого подхода считаются А. Зигфрид, С. Липсет, Ст. Роккан, П. Лазерсфельд, Б. Берельсон. В основе данного подхода к анализу электорального поведения лежит исследование, проведенное группой американских ученых Колумбийского университета под руководством П. Лазерсфельда 1944 г.,

в котором основное внимание было уделено отдельным избирателям. Его авторы исследовали поведение избирателей в условиях политической конкуренции, учитывая фактор социальной стратификации. Важнейшим элементом политической социологии является методологический индивидуализм, в соответствии с которым отдельные граждане и их политических выборов составляют первичные объекты изучения. Однако отдельный актор рассматривается не изолированно, а в контексте обусловленных его окружением ограничений и возможностей, которые влияют на модели социальных взаимодействий и осуществление политического выбора. Главным открытием ученых Колумбийского университета было то, что социальные характеристики важны не только потому, что прямо и неизбежно переходят в набор интересов и сопутствующих им предпочтений, но и то, что они определяют место индивида в социальной структуре и таким образом влияют на открытость политической информации. В каких социальных условиях живет человек, таковы и его политические взгляды. Социальные характеристики определяют политические предпочтения. К социологическому подходу относится также теория социальных расколов Липсета – Роккана [Lipset, Rokkan, 1967]. Они предложили концепцию о влиянии на политические предпочтения, электоральное поведение и структуру партийных систем западных стран социально-политических размежеваний четырех типов: между центром и периферией, между государством и церковью, между городом и селом, между собственниками и рабочими. Каждое из этих размежеваний обуславливает наличие поддержки и голосования за соответствующие партии: региональные, этнические, религиозные, аграрные, социал-демократические или коммунистические. Причем в первой половине – середине 20 века эта поддержка была достаточно устойчивой.

Социально-психологический подход основан на предположении о том, что основной фактор, влияющий на голосование – это партийная или идеологическая идентификация. Основателями этого подхода считаются исследователи Мичиганского университета: А. Кэмбелл, У. Миллер, Ф. Конверс. Считается, что импульс к изучению этой тематики в начале 1960-х годов дал проект «Американский избиратель». Группа американских исследователей под руководством А. Кэмбелла предприняла попытку создать новый подхода к изучению

и прогнозированию поведения избирателей. По их мнению, «социологическая модель» электорального поведения уже в тот период была неспособна «предсказывать исходы выборов в Западной Европе и США. Данная концепция исходила из той предпосылки, что существует устойчивое взаимовлияние институтов политического представительства и политических ориентаций граждан. Большинство граждан оценивает изменяющуюся политическую ситуацию через призму лояльности к определенной партии. Партийная идентификация создает некое «сито», с помощью которого индивид пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентации. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. В их работах была использована «воронка причинности» – модель, позволяющая учитывать совокупное влияние на голосование различных факторов при доминировании партийной идентификации. Благодаря развитию этого направления в сфере изучения электорального поведения стали широко применяться панельные опросы, позволившие выявить временную динамику политических предпочтений.

Начавшийся в России процесс демократизации на время вдохнул новую жизнь в оба подхода. В 1990-е годы они часто были использованы в анализе и прогнозировании электоральных процессов и электорального поведения, но дали неоднозначные результаты, нередко аналогичные тем, которые наблюдались в Европе в 1970-1980 гг. Иными словами, ни один из подходов не смог дать убедительного объяснения электорального поведения граждан РФ.

В самом деле, давайте зададимся вопросом: почему поведение российского избирателя может или даже должно быть точно таким, как и американского? Ведь они принадлежат разным политическим системам и культурам, в которых существуют свои отличные друг от друга социальные и политические практики, сформированные под влияние особых институциональных, экономических и социально-психологических факторов? И хотя политические исследования электорального поведения по-прежнему вызывают интерес, но, по сути, они превратились в рутину, стали напоминать процедуры замеров пульса политического организма в различные периоды его функционирования: в состоянии преддверия выборов, в период выборов, и в состоянии после выборов.

Российская политическая наука в поисках новой идентичности

Стремление политической науки выйти из сложного положения, активизировало поиск новых методологических подходов, результатом которого стало как заимствование методологии и инструментария экономической теории, что привело к появлению на свет нового институционализма [Патрушев, 2001, 5-30], так и развитию постструктуралистских теорий, (Дерриды Ж., Бодрийяра Ж., Фуко М), ориентированных на семиотическое истолкование реальности.

В 1990-е годы в социологии все большую популярность приобретает концепция многообразия современности (*multiple modernities*), разработка которой связана с именами Ш. Айзенштадта, Б. Виттрока, Н. Музелиса, тогда как однолинейные и «западноцентристские» концепции конца истории, демократического транзита и т. п. отступают на второй план. На рубеже XX и XX вв. многие ученые стали придерживаться мультипарадигмального подхода. Обращение новому подходу, с одной стороны, позволило ярче описать многообразие форм социальной действительности, способствовало переходу от линейных к нелинейным моделям социального развития, но с другой еще больше обострил вопрос об истинности самого научного описания, поскольку сторонники различных парадигм часто исследуют одни и те же явления и процессы и при этом результаты исследований являются взаимоисключающими, а выводы – противоположными. При этом трудно оценить, какие из этих результатов являются истинными с научной точки зрения. Поскольку все результаты, полученные в строгом соответствии с научными процедурами, должны быть признаны истинными, а вопрос об адекватности самих процедур сторонниками разных парадигм решается по-разному, теории и эмпирические данные, полученные на основе разных парадигм, оказываются несоизмеримыми [Иванов, 2001, 38].

Политические трансформации в России стали для западных теорий хорошим полигоном их верификации. Сегодня можно констатировать, что многие из них не выдержали такой проверки, следствием чего актуальным стало обращение к русской общественно-политической мысли и стремление к созданию на ее основе собственной историко-социологической теории развития российского общества. В этом направлении не без успеха работают Пивоваров Ю.С.

Фурсов А.И. [Пивоваров, Фурсов, 1999, 176-197; Пивоваров, 2005], Розов Н.С., Дубовцев В.А. и многие другие авторы [Дубовцев, Розов, 2007].

Выводы, к которым приходят эти ученые по целому ряду позиций вступают в противоречие с широко растиражированными либерально-демократическими взглядами и оценками. Линейно-эволюционное понимание развития общества, присущие европейской общественной мысли, вольно или не вольно, ведет к ошибкам в интерпретации. Если за точку отсчета брать историю развития европейской цивилизации, то все то, что развивается за ее пределами и не совпадает с динамикой ее развития, будет определяться как «отклоняющееся» поведение. Но деление исторического процесса на «нормативный» и «отклоняющийся» вызывает сегодня большие сомнения. У каждой цивилизации свой ритм и порядок развития. Попытки европейской общественной мысли придать универсальный характер своему собственному развитию во многом несостоятельны.

Как справедливо подчеркивает Кравченко С.А. «простые, линейные корреляции можно проследить лишь в относительно локальном социуме. Видение общественного развития человечества через призму «всеобщих объективных законов», детерминизма «универсальных» идеалов и ценностей уходит в прошлое» [Кравченко, 2013, 4].

В условиях перехода от линейных к нелинейным моделям общественного развития все разговоры о нормативном и догоняющем процессе остаются в прошлом. В XXI веке сама европейская цивилизация может менять свою позицию, превратившись в своеобразную периферию по отношению к Китаю, Индии, Азиатско-Тихоокеанскому региону в целом.

Вместо заключения

Российской политической науке важно адаптироваться к многомерности и нелинейности современного мира, найти свое место в системе воспроизводства знания, выстроить новые отношения с обществом и властью.

Важно преодолеть комплекс теоретической зависимости от американской науки. Ближайшей же задачей, стоящей перед ней является своеобразная ин-

вентаризация знания, накопленного за предшествующие десятилетия. Необходимо проанализировать какие теории прошли проверку практикой, а какие нет, какие концепции и теории обязательно следует преподавать в высшей школе, а какие можно ознакомить факультативно или вообще исключить из учебных программ как теоретически устаревшие.

Кроме того назрела необходимость создать новые точки роста политической науки, детально изучить опыта политического развития стран Востока, добившихся существенного прогресса в экономической и социальной политике. В условия становления многополярного мира является контр продуктивным ориентироваться только западную модель социально-экономического и политического развития, которая все чаще попадает в состояние кризиса и транслирует его по всему миру.

Высказанные мысли отнюдь не претендуют на истину в последней инстанции. Они скорее преследуют цель обсудить с коллегами по профессии некоторые проблемы политических наук в России, которые накопились в них и ждут решения. Мы будем рады, если затронутые проблемы найдут отклик среди коллег и станут импульсом широкой дискуссии по методологии политических исследований, по методики преподавания политологии, политической социологии, политической психологии.

Библиография

1. Бауман З. Текущая современность. М., СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Вялова Е.Г. Основные философские и научные подходы к проблеме идентичности XX-XXI в. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 3. С. 58-72.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с фр. СПб.: Склад у Н.И Герасимова, 1898. 258 с.
4. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. 2007. Вып. 6. С. 3-9.
5. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Высшая школа экономики, 2010. 320 с.

6. Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. 2007. № 3. С.8-23.
7. Елисеев С.М. Выйти из «Бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2002. № 6. С. 71-82.
8. Иванов О.И. Парадигмы социологии. СПб.: Социологическое общество имени М.М. Ковалевского, 2001. 68 с.
9. Калхуна К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: Лекция. 17.01.2006. URL: <http://www.ipon.ru/files/calhun.doc>.
10. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3-11.
11. Лепихова И.В. Ментальность и реальность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 6. С. 41-57.
12. Тощенко Ж.Т. (отв. ред.) Новые идеи в социологии: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
13. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. № 2. 2003. С. 66-86.
14. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии: Сборник научных трудов. Политическая наука. 2001. № 2. С. 5-30.
15. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2005. № 6. С.12-32.
16. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С.176-197.
17. Романовский Н.В. Куда идет «Sociology on the move? // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 79-88.
18. Нугаев Р.М. Становление науки нового времени: интертеоретический контекст // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2013. № 3-4 С. 9-33.
19. Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Наука, 1997. 333 с.
20. Токвиль А. Старый порядок и революция М.: Московский философский фонд, 1997. 251 с.

21. Almond G Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. N.Y., 1963. 392 p.
22. Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The American Voter. Unabridged Edition. Chicago and London, 1960. 576 p.
23. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y.: John Wiley, 1965. 532 p.
24. Easton D. Political Science in the United States // Past and Present International Political Science Review. 1985. Vol. 6. № 1. Pp. 133-152.
25. Lipset S. Political Man. The Social basis of Politics N.Y., 1960. 432 p.
26. Lipset S. First new Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective. N.Y., 1963. 416 p.
27. Lipset S., M Rokkan S. Party Systems and Voter: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: The Free Press, 1967. Pp. 1-64.
28. Mouzelis N. Modernity: a non-European conceptualization // British Journal of Sociology. 1999. Vol. 50. № 1. Pp. 141-159.

Political science and multidimensionality of the modern world

Sergei M. Eliseev

Doctor of Political Science, professor,
Faculty of sociology, Saint Petersburg State University,
Scientific Research Institute of Complex Social Studies,
191060, 1/3 Smolnogo str., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 1956Eliseev@inbox.ru

Abstract

The article describes the author's position on the theoretical and methodological problems of the development of political science in Russia. According to the author, the domestic political science is heavily influenced by American political theories developed in 1950-1970 under certain historical conditions and designed

for social practices and scientific traditions that are characteristic of the industrial society. In the conditions of the information society, network structures, the development of nonlinear processes the use of these theories leads to a distorted description of reality, inaccurate political forecasts and recommendations. It is important for the Russian political science to adapt to the multidimensionality and nonlinearity of the modern world, to find its level in the system of knowledge reproduction, to build new relations with society and authority. It is essential to overcome the complex of theoretical dependence on American science. The Russian political science should take a kind of inventory of the knowledge accumulated over the preceding decades. It is necessary to analyze which of the theories have stood the test of practice and which of them have failed, which of the concepts and theories should be included in the curriculum in a high school and which of them can be optional, or even excluded from the curriculum.

For citation

Eliseev S.M. (2015) Politicheskaya nauka i mnogomernost' sovremennogo mira [Political science and multidimensionality of the modern world]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 1-2, pp. 13-32.

Keywords

Political science, political theory, multiplicity of modernity, liquid modernity, political processes.

References

1. Almond G., Verba S. (1963) *The civic culture: Political attitudes and democracy in Five Nations*. N.Y.
2. Bauman Z. (2006) *Płynna nowoczesność*. Warszawa. (Russ. ed.: Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'*. Moscow, St. Petersburg: Piter Publ.)
3. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. (1960) *The American voter*. Unabridged ed. New York: Wiley.

4. Dubovtsev V.A., Rozov N.S. (2007) Priroda "Russkoi vlasti": ot metafor k kontseptsii [Nature of "Russian power": from metaphors to the conception]. *Polis*, 3. pp. 8-23.
5. Eliseev S.M. (2002) Vyiti iz "Bermudskogo treugol'nika": o metodologii issledovaniya postkommunisticheskikh transformatsii [Getting out of the "Bermuda triangle": the methodology of the study on post-Communist transformations]. *Polis*, 6, pp. 71-82.
6. Easten D. (1965) *A system analysis of political life*. N.Y.: John Wiley.
7. Easten D. (1985) Political science in the United States. *Past and present international political science review*, 6 (1), pp. 133-152.
8. Gorshkov M.K. (2007) Rossiiskoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost' [Russian society as a new social reality]. In: *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia reformed]. Issue 6. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ., pp. 3-9.
9. Guizot F. (1828) *Histoire de la civilisation en Europe*. Paris. (Russ. ed.: Gizo F. (1898) *Istoriya tsivilizatsii v Evrope*. St. Petersburg: Sklad u N.I. Gerasimova Publ.)
10. Ivanov O.I. (2001) *Paradigmy sotsiologii* [Paradigms of sociology]. St. Petersburg: Sotsiologicheskoe obshchestvo imeni M.M. Kovalevskogo Publ.
11. Kalkhuna K. (2006) *Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zachem ikh pridumyval* [The theory of modernization and globalization: who invented them and why they were invented] Available from: <http://www.ipon.ru/files/calhun.doc> [Accessed 10/04/2014].
12. Kravchenko S.A. (2013) Stanovyashchayasya slozhnaya sotsial'naya real'nost': problema novykh uyazvimostei [Complex social reality in the making: the problem of new vulnerabilities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social studies], 5, pp. 3-11.
13. Lepikhova I.V. (2014) Mental'nost' i real'nost' [Mentality and reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 41-57.
14. Lipset S. (1963) *First new nation. The United States in historical and comparative perspective*. N.Y.
15. Lipset S. (1960) *Political man. The social basis of politics*. N.Y.

16. Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Party systems and voter: An introduction. In: *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives*. New York: Free Press, pp. 1-64.
17. Mouzelis N. (1999) Modernity: a non-European conceptualization. *British journal of sociology*, 50 (1), pp. 141-159.
18. Nugaev R.M. (2013) Stanovlenie nauki novogo vremeni: interteoreticheskii kontekst [The formation of modern science: intertheoretic context]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 3-4, pp. 9-33.
19. Patrushev S.V. (2001) Institutsionalizm v politicheskoi nauke: etapy, techeniya, idei, problemy [Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, problems]. *Zarubezhnaya politologiya v XX stoletii. Sbornik nauchnykh trudov. Politicheskaya nauka* [Foreign politology in the 20th century: Collected scientific works. Political science], 2, pp. 5-30.
20. Pivovarov Yu.S. (2005) Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita [Russian authority and public policy. Notes of a historian on the reasons for failure of democratic transition]. *Polis*, 6, pp. 12-32.
21. Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. (1999) Russkaya sistema i reformy [Russian system and reforms]. *Pro et contra*, 4 (4), pp. 176-197.
22. Pye L.W. (1958) The non-western political process. *Journal of politics*, 3. (Russ. ed.: Pai L. (2003) Nezapadnyi politicheskii protsess. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2, pp. 66-86.)
23. Romanovskii N.V. (2013) Kuda idyot "Sociology on the move"? [Where does "Sociology on the move" go?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social studies], 5, pp. 79-88.
24. Salmin A.M. (1997) *Sovremennaya demokratiya: ocherki stanovleniya i razvitiya* [Modern democracy: studies on the formation and development]. Moscow: Nauka Publ.
25. Tocqueville A. de (1866) *L'ancien régime et la Révolution*. Paris: Michel Lévy Frères. (Russ. ed.: Tokvil' A. (1997) *Staryi poryadok i revolyutsiya*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond Publ.)

26. Toshchenko Zh.T. (ed.) (2013) *Novye idei v sotsiologii* [New ideas in sociology]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.
27. Vyalova E.G. (2014) Osnovnye filosofskie i nauchnye podkhody k probleme identichnosti XX-XXI v. [Main philosophical and scientific approaches to the problem of the identity in the XX-XXI centuries]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 3, pp. 58-72.
28. Zolo D. (1992) *Democracy and complexity: A realist approach*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Dzolo D. (2010) *Demokratiya i slozhnost'*. *Realisticheskii podkhod*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.)